

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Многие из вас читали книги о замечательных собаках — сильном и храбром Белом Клыкe, об умнице Каштанке и о преданном людям Мухтаре. Маленький щенок Кыш, о котором я пишу, пока ещё ничем не выдающаяся собака. Но для её хозяина Алёши Сероглазова она самая умная, самая преданная собака на свете. Первокласснику Алёше, для которого началась совсем новая жизнь школьника, и любопытному Кышу трудно не попасть в разные передряги. К великой радости автора, они кончаются благополучно, потому что в самый трудный момент Алёша не предал Кыша, а Кыш верил, что настоящий друг Алёша выручит его из беды.

Мне очень хочется, чтобы вы любили друзей человека, будь это серый воробышек, маленькая рыбка или огромный слон. Кто знает, может быть случится так, что кому-нибудь из вас, когда вы станете взрослыми, придётся впервые ступить на новую планету и встретить там неизвестных животных. Пусть они знают, что человек пришёл к ним как друг, с добром и любовью.

Юз Алешковский

1

Это был мой первый выходной день, потому что я первый раз в своей жизни целую неделю проучился в первом классе.

Как нужно начать такой день, я не знал и поэтому решил подражать папе: проснувшись, заложил руки под голову и уставился в окно.

Однажды папа сказал, что в воскресное утро, так как не надо спешить на работу, он думает о всякой всячине и о том, как прошла целая неделя. Чего в ней было больше — хорошего или плохого? И если больше плохого, то кто в этом виноват: сам папа или, как он любит говорить, стечение обстоятельств?

В моей первой школьной неделе было больше плохого. И не из-за меня, а из-за обстоятельств, которые начали стекаться давно.

Если бы я родился хотя бы на два дня позже, то мне исполнилось бы семь лет не тридцать первого августа, а второго сентября и меня не приняли бы в школу. Но папе и так пришлось уговаривать завуча. И завуч согласился принять меня с испытательным сроком.

Я был самым младшим и маленьким по росту учеником во всей школе.

В «Детском мире» мне купили самую маленькую форму, но на примерке в кабине оказалось, что и она велика. Мама попросила снять форму с неправдашнего первоклашки, который стоял в витрине и улыбался, но маму уговорили отказаться от этой просьбы и посоветовали форму перешить. Ещё ей надавали советов, чем меня кормить, чтобы я быстрее рос.

Мама сама укоротила брюки, а фуражку всю ночь держали в горячей воде, потом натянули на кастрюлю и выгладили, но она всё равно спадала мне на глаза.

В общем, первого сентября я пошёл в школу, и на первой же перемене самый высокий из нашего класса мальчик Миша Львов измерил меня с ног до головы моим же портфелем. Измерил и тут же дал мне прозвище Двапортфеля. А сам себе он присвоил прозвище Тигра. Из-за фамилии Львов.

Даже до старшеклассников дошло моё прозвище. На переменках они глазели на меня и удивлялись:

— Двапортфеля!

— Действительно, Двапортфеля!

Они меня не дразнили, но всё равно я чувствовал самую большую обиду из всех, которые получал в яслях, в детском саду, во дворе и дома.

Я отходил куда-нибудь в сторонку, ни с кем не играл, и мне было так скучно, что хотелось плакать.

Правда, однажды ко мне подошла старшеклассница, погладила по голове и сказала:

— Двапортфеля, не вешай нос. Придёт время, и ты станешь четырепортфеля, потом пять, а потом восемь.

Вот посмотришь. А на переменке не стой на одном месте. Разминай косточки. И никого не бойся. Начнут пугать — раздувай ноздри. Сразу отстанут. Я всегда так делала. Я — Оля.

— А я — Алёша, — сказал я, и Оля показала, как надо раздувать ноздри.

Но сколько я их потом ни раздувал, это никого не пугало, и у меня в ушах шумело от крика:

— Двапортфеля! Двапортфеля-а!

За такое прозвище я возненавидел Тигру. Хорошо было Дадаеву. Его прозвали Дада! Капустина — Кочаном. Галю Пелёнкину, как бразильского футболиста, — Пеле. Гусева зовут Тэга-тэга, и он очень рад. Лёню Каца — Кацо. Один я — Двапортфеля.

Ничего! Может, со временем им всем надоест такое длинное прозвище и от него останется только Феля. Феля! Это неплохо...

Так я лежал и думал и вдруг засмотрелся... Перед моим окном на одном месте, прямо как вертолёт, висел воробей и вдруг — ба-бах! Стукнулся об стекло, упал на карниз, потом опять подпрыгнул, затрепыхался и что-то пытался клюнуть.

Тут я увидел большую синюю муху, которая залетела в комнату и хотела улететь обратно. Она жужжала, металась по стеклу, потом замолкала, как будто теряла сознание, и снова начинала кружиться на стекле, как на катке.

«Вот глупый воробей, — подумал я, — видит муху у самого своего клюва, а клюнуть не может. Наверно, он злится и удивляется, как это вдруг ни с того ни с сего такой тёплый движущийся воздух стал твёрдым и холодным. И муха удивляется, что всё прозрачно, а улететь нельзя».

Вдруг воробей ещё раз разлетелся и через форточку пулей влетел в комнату. Я вскрикнул, взмахнул одеялом — он испугался, сделал круг под потолком, полетел обратно и затрепыхался на стекле рядом с мухой.

А мне что-то стало жалко и воробья и муху. Выходной день... Утро такое хорошее, а они попались...

Я спрыгнул с кровати и распахнул окно.

— Летите, глупые, по своим делам! Вам не понять, что это не воздух вокруг затвердел, а стекло прозрачное. А мне понятно, потому что я — человек!

Так я сказал вслух, выглянул в окно, и мне тоже захотелось на улицу.

2

Как я и думал, мамы не было дома. Она давным-давно, когда ещё была жива бабушка, договорилась с папой, что воскресенье до обеда — её день. Мы с папой на это время были предоставлены сами себе. Папа лежал на диван-кровати так же, как только что лежал я, и размышлял.

— Дождя нет. Надо вставать и куда-нибудь идти, — сказал я.

Папа скосил на меня глаза и ничего не ответил.

— Ну, как прошла неделя? — Папа молчал. — Больше было плохого?

— Было и хорошее и плохое, — наконец откликнулся папа. — Но, в общем, вся неделя была серой. Серость — это самое худшее из всего, что может быть. По-моему, не случайно пауки и крысы... бр-р... серые...

— А слоны? — возразил я.

— Слоны — серебряно-серые. Это совсем другое дело. И дирижабли и самолёты тоже серебряно-серые, — уточнил папа.

Хороших недель в жизни у меня было много, плохих, вроде первой школьной, мало, но серая неделя —

это уже что-то новое. Когда мы пошли умываться, я спросил:

— Значит, всё-всё было серым? И дела тоже?

— Раз мысли серые, значит, и дела серые.

— Ну а погода?

— Я, кажется, сказал, что серым было всё!

Папа взял мои ладони в свои, взбил густую розовую пену. Мне самому никогда не удавалось так намыливать руки.

— Ты что-то путаешь, — заметил я, — погода на этой неделе была солнечная. Ни тучи, ни дождинки.

— Будем стоять здесь и беседовать? Хочешь, чтобы и воскресенье было серым? Смывай быстрее мыло!

— А может, ты сам виноват, что всё было серым? — догадался я.

Папа что-то промычал, потому что у него во рту уже была зубная щётка, сделал страшные глаза и свободной рукой вытолкнул меня из ванной.

Пока он брился, вскипел чай. Яичницу с салом и с луком мы сделали сами. Папа знал, когда нужно накрывать сковородку миской и какой сделать огонь, чтобы яичница получилась высокой и пышной.

— А у тебя какая была неделя? — спросил папа. — Ведь она не простая. Её на всю жизнь запомнить надо.

— Запомнил, — сказал я, набив полный рот.

— А с кем ты сидишь за партой?

— С Тёгой, — сказал я.

— Странная фамилия! — удивился папа. — Может, он француз? Тогда правильно не Тёга, а Тегá. Был такой художник Дегá.

— Правильная фамилия Тёги — Гусев. А почему Тёга, я не знаю.

— Конечно, Гусев! Тэга-тэга! Так гусей называют в деревне, — смеясь, сообразил папа. — Ну а тебя как прозвали?

Я ничего не ответил, глотнув чая. А про учёбу папа, наверно, решил меня не расспрашивать в выходной день.

Позавтракав, он решительно сказал:

— Я понял, что мы должны сделать! Даже не сделать, а совершить! Что-нибудь необычное! Что-нибудь из ряда вон выходящее! И тогда вся серость исчезнет.

— Слушай, а я тебе тоже всю неделю казался серым? — спросил я.

— Ты мне казался фиолетовым! У тебя даже уши были в чернилах, — сказал папа.

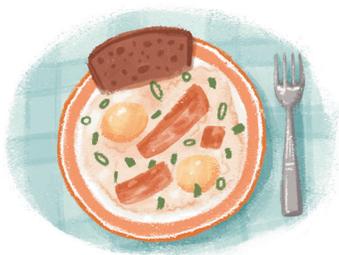
— А мама?

— Мама всегда прекрасна, — строго заметил папа.

— А может, у тебя фамилия Сероглазов, — вдруг сообразил я, — из-за того, что ты всё видишь серым?

— Фамилия не имеет отношения к настроению человека, — сказал папа. — Быстро собирайся.

«Ещё как имеет! — подумал я. — Посмотрел бы я, какое у тебя было бы настроение от прозвища Два-портфеля!..»

Мне собираться было нечего. А вот папа зачем-то надел свой хороший костюм, белую рубашку, чёрные туфли, и мы вышли из дома.

Если бы не горьковатый дымок над газоном — это на нём всю ночь тлела куча опавших листьев, — я бы ни за что не поверил, что уже осень. Так на улице было тепло и солнечно.

На нашей очень шумной по обычным дням улице стояла тишина. И было совсем мало людей и машин. А грузовики вообще не попадались нам с папой по дороге. Выходной — значит, выходной.

И воробьи всю чирикали на ветках тополей, но среди них нельзя было узнать того, которого я мог бы взять в плен, но не взял, а, наоборот, помог спастись.

Папа положил мне руку на плечо.

— Ну, давай думать. Что необычного ты можешь предложить?

— Прокатимся на такси, — предложил я.

За нами медленно ехала «Волга». Видно, шофёр надеялся, что нам надоест идти пешком.

— Ну, что это такое? — Папа даже поморщился. — Нашёл необычное! Нет у тебя фантазии.

Тут над нами пролетел реактивный лайнер.

— Тогда слетаем хотя бы в Крым и обратно!

— Вот это уже интересней такси. Это — прекрасно!

Два часа — и мы у моря! — воскликнул папа. Я замер от радости и волнения. — Искупаемся, потом наберём камушков, съедим шашлык и опять из моря — в небо! — Вдруг папа грустно цокнул языком. — Ничего не выйдет. Очень жаль.

— Почему?

— Я забыл дома купальные трусики.

— Давай возвратимся! Мы же недалеко ушли!

— Пути не будет, — сказал папа. — Ты придумывай необычное в пределах возможного. Не бросайся в крайности. На Азорские острова тебе не хочется?

— Хочется! — сказал я.

— А мне хочется взять отпуск за свой счёт и с недельку пожить в космосе. Подумать. Подвести итоги. Вдали от всего человечества.

— Тебе на второй день будет скучно, — сказал я.

— Это верно, — подумав, согласился папа, — и опять же дорого.

— Тогда выпей пива с дядей Сергей Сергеевым.

Папа при упоминании имени своего лучшего друга, который почему-то не заходил к нам дней десять, нахмурился и ничего не ответил.

Мы сели на лавочку в сквере перед метро и задумались.

Папа не хотел ни в цирк, ни на пароход, ни в кафе-мороженое, ни на футбол. Он не хотел купить мяса и пойти в зоопарк кормить тигров, потом слетать на вертолёте в аэропорт. Нырнуть солдатиком с моста он тоже отказался. И многое другое предлагал я.

— Ничего во всём этом нет необычного, — сказал папа.

Я уж и не знал, что придумывать дальше. Мне самому посмотреть мультипликацию и киножурналы и то показалось бы необычным.

— Понимаешь, почему мне неохота в зоопарк? Зверей и птиц там полно, а купить — ну хотя бы змею — нельзя, — сказал папа. — Поэтому мы поедem на Птичий рынок. Да, да! Там необычней всего! Я не был там целый век! Вот оно! Едем!

— Что же необычного на рынке? — спросил я.

— Всё! — крикнул папа.

4

Мы доехали на метро до Таганки. Мимо нас на эскалаторе спускались вниз люди — и взрослые и мальчишки, держа в руках баночки, прозрачные мешочки, аквариумы, мешки и клетки. Клетки были пустые и с голубями, аквариумы — с рыбками и без рыбок.

Вдруг прямо у меня за спиной раздалось: «Ку-ка-ре-ку-у!»

Я обернулся. Стоявшая на ступеньку ниже тётенька испуганно запихивала в корзину красивую петушиную голову. А петух забился в корзинке, наверно разозлившись, что ему не дали как следует покукарекать.

Впереди нас кто-то твякнул, потом кто-то мяукнул.

— Разве на Дзержинской или Арбатской такое услышишь? Здесь всё необычно! — вслух сказал папа.

А стоявший рядом с ним человек очень серьёзно заметил:

— Мы никогда не забудем своего детства на лоне природы.

— Вы абсолютно правы, — согласился папа, грустно полузакрыв глаза.

— Ты жил с ним в одной деревне? — удивился я.

Папа больно сжал мою руку, что всегда означало: «Не задавай при свидетелях дурацких вопросов!»

— Всего хорошего! — улыбнувшись, сказал на прощание тот человек.

— И вам всех благ! — ответил папа и объяснил мне: — Бывает, что два человека, причём — учти! — совершенно раньше незнакомые, вдруг на секунду почувствуют родство друг с другом. Слышал, кукарекнул петух, и мы уже попрощались как приятели, а встретимся — поздороваемся, а может, и подружимся.

— Но почему он сказал, что у вас было общее детство на природе, если вы незнакомы? — переспросил я.

— Он имел в виду детство всего человечества. Понимаешь? Всего! Оно прошло в деревнях, на лоне природы. Городов тогда ещё не было, — терпеливо объяснил папа, начиная злиться.

— А как это ты и он запомнили детство всего человечества? Как это так? — не удержавшись, переспросил я, потому что ничего не понял.

Папа вспыхнул, но взял себя в руки и сказал очень тихо и очень спокойно. Так говорил он тогда, когда не мог ответить на мой вопрос.

— Одно из двух — или мы идём на Птичий рынок, или займёмся вопросами и ответами.

— Пойдём на рынок, — сказал я.

В маршрутном такси папа молча и задумчиво смотрел в окно, как будто вспоминал детство всего человечества...

Около ворот рынка нас сразу же подхватила толпа. Было тесно, но не так, как по утрам в метро, и никто не спешил.

Вдруг мы попали в самую толкучку, и мне всё время приходилось задира́ть голову.

Каких только рыбок тут не было! Их носили и в стаканчиках, и в полиэтиленовых мешочках, и в банках из-под горчицы и томатного сока, и в каких-то зеленоватых прямоугольных сосудах, похожих на куски льда.

И во всех этих банках метались, медленно плавали и неподвижно висели разноцветные рыбки.

Оказалось, что папа знал, как они называются.

Красные и чёрные с мечами на хвостах — меченосцы... Изогнутые, словно луки, и полосатые, как зебры, — скалярии... Переливающиеся разными цветами, как мамин плащ, — бойцовые рыбки... Названия всех рыб запомнить было невозможно.

Их рассматривали, приценились, вылавливали маленькими сачками.

Во многих аквариумах дрожали, словно жемчужинки, нанизанные на нитку, пузырьки воздуха. Его подкачку продавцы рыбок делали по-разному. Одни нажимали ногой на педальку, у других были надутые камеры, а один парень стучал локтем по боку, как будто у него под мышкой стоял градусник. Это он сжимал резиновую грушу. Около него собралась большая толпа. У парня на ремнях на груди висел аквариум, и в аквариуме плавали рыбки, названия которых папа не знал.

— Почём рыбки? — спросила тётенька, стоявшая рядом с папой.

— Три рубля, — мрачно сказал парень, смотря вверх покупателей.

— Это — полтора килограмма мяса! — ужаснулась тётенька.

— И пять с половиной килограммов мороженого морского окуня, — вежливо подсказал папа.

— Арифметику знаю и без вас! — Тётенька смерила папу с ног до головы страшным взглядом.

— Пять с половиной килограммов окуня мы съедим за сколько? Дней за пять, — подсчитал папа. — А на пару таких рыбок можно любоваться вечно.

— Вы это серьёзно? — поинтересовалась тётенька.

— Вполне, — сказал папа.

Мальчишка, скорее всего шестиклассник, долго приценивался, раздумывал, то и дело лазил в карман, наконец решился и протянул продавцу трёшку.

— Вот эту мне! — Он показал пальцем на рыбку, ничем не отличавшуюся от других. Он настаивал, чтобы была выловлена именно эта рыбка, и продавец поймал её сачком и осторожно пересадил в банку.

Мальчишка отошёл в сторонку, всё время держа банку с рыбкой перед глазами. Рыбка закружилась так быстро, что мне показалось, в банке плавает живое колечко.

— Я вполне проживу без этой рыбки, — заявила тётенька.

— Несомненно, — вежливо подтвердил папа.

Потом мы ходили вдоль рядов, уставленных аквариумами, тазами с живым кормом для рыбок и мешочками с сухим.

— Давай заведём бойцовых! — сказал я папе.

— Подожди. Сначала всё посмотрим. Кстати, если потеряемся, встретимся около вон того дедушки с картиной.

Папа показал на старичка. Тот сидел на ящике, держа картину в позолоченной раме, и щурился на солнце. А эта рама неприятно била в глаза зайчиками.

— Вдруг он продаст картину и куда-нибудь уйдёт? — сказал я.

